

Зверев Юрий Дмитриевич
Тел.-89519289398
Эл. почта- IURIYZVEREV@MAIL.RU

- Олигарх -
 (Рассказ)

- Деньги в жизни не главное -

Лето.

На небе ни облачка.

Жарко.

Даже в кабинете чувствуется духота, несмотря на кондиционер.

– Эх, сейчас бы искупаться да позагорать, а не сидеть тут, – подумал Иван Михайлович. – Но расслабляться нельзя, какой пример для подчинённых, если начальство раньше времени будет с работы уходить.

Во время этих размышлений зазвонил на столе телефон. Кого это приспичило в конце дня звонить? Он нехотя снял трубку, сказал:

– Скворцов слушает.

На другом конце связи знакомый мужской с хрипотцой голос спросил:

– Это ты, Иван Михайлович? Привет.

– А, Александр Александрович, здравствуй. Как дела? Что-то давно не звонил, последний раз мы с тобой разговаривали недели две назад.

Проблемы или просто так поболтать?

– Слушай, Иван Михайлович, как насчёт рыбалки, сегодня с ночёвкой, не получится организовать? Завтра же у нас суббота.

– Ты, Александр Александрович, прямо мои мысли читаешь. Я только сейчас про речку думал, а тут как раз ты звонишь.

– Так что, организуем?

– Да не вопрос. Если до конца дня всё будет спокойно, я тебе позвоню. Только поедем на моей машине, ты свою «Ниву» не бери, чего зря бензин жечь. Уговорил?

– Хорошо, против начальства не попрёшь. Только ты купи наживку: опарыша, червей, а то я совсем на мели, сам знаешь, пенсия будет только через неделю.

– Не беспокойся, Александр Александрович, уже всё давно приготовлено и лежит в холодильнике. Как закончу, сразу домой – переодеться. Жди звонка, Александрович.

Через час он заехал за своим старым другом, с которым уже почти десять лет не расставался. Именно такой настоящей мужской, ненавязчивой, несмотря на разницу в возрасте, дружбой они связаны.

С ним, его дорогим Александром Александровичем или Санычем, а когда они вдвоём, просто Дедом, как часто называл своего друга, он полностью расслаблялся. Уходили все заботы, на какой-то момент он вдруг становился подростком, во всём подчиняясь и подражая своему старшему товарищу. Можно быть самим собой, не надо подстраиваться, тем более что немногословный Саныч всё прекрасно понимал без слов. И только его пронзительно-синие глаза за толстыми стёклами очков то темнели осуждающе, то излучали такой блеск и тепло, что душа начинала петь и окружающий мир вдруг становился светлее и добрее.

– Ну, Дед, говори, куда кони двинем?

– Да, вот думаю – может, на наше место: под старый мост, там плотву можно половить на перекате, а в омутах и более серьёзная рыбка есть. Если не возражаешь, то давай, Михалыч, двигай под старый мост.

– Понял, Дед, едем.

Через полтора часа прибыли на речку, начали распаковывать всё, что приготовили: провизию, палатку. Достали снасти.

– Ты давай, Михалыч, ставь палатку и разожги костерок, а я пойду с удочкой, осмотрюсь, где лучше всего провести вечернюю зорьку да поставить перемёты на ночь.

– Слушаюсь, Дед!

– Дай-ко, Михалыч, мне немного червячков, да и «опарышей» отсыпь вот сюда.

Саныч достал из кармана баночку из-под каких-то таблеток, отвинтил крышку и протянул её Михалычу. Тот взял баночку в левую руку, а другой начал шарить по многочисленным карманам своего рыбацкого костюма. И тут вспомнил, что забыл взять наживку из холодильника. Его бросило в жар, пот выступил на лбу.

– Что случилось, Михалыч? – встревожился Саныч.

Понимаешь, оказия какая, забыл взять наживку.

– Ну вот, – огорчённо вздохнул Саныч, – плохая примета, видимо, сегодня хорошей рыбалки у нас не будет.

Он посмотрел на огорчённое лицо своего друга, потом тихонько толкнул его плечом: – Да не расстраивайся ты так, давай спокойно съезди в город за наживкой, время ещё есть. Если сегодня не получится, то завтра обязательно улов будет хороший, на это тоже есть хорошая примета.

Глаза его заискрились знакомой хитринкой.

– Я с хлебушком попробую порыбачить, а пока едешь и ужин приготовлю.

Чертыхнувшись за свою оплошность, Иван Михайлович завёл автомобиль. Проезжая по трассе очередную деревню, заметил стоящую около деревенского магазина очень крутую иномарку «Хаммер» необычно белого цвета. Около неё возился человек в светло-коричневом костюме, белой рубашке и ярко-красном галстуке.

– Ну да, только при таком параде и возиться с машиной, видимо, в другой форме ремонт явно не получится, – с ехидцей подумал Иван Михайлович.

Надо посмотреть на этого крутого водителя, – решив остановиться, подумал он, – да и в магазин зайти, может, что-нибудь из продуктов подберу.

Заглушив машину, подошёл к «Хаммеру». Человек у машины пытался подставить домкрат, при этом сразу было件нятно, что длины выхода упора домкрата не хватит без подкладки под его основание толстой плахи или бруса, а вблизи ни того, ни другого не наблюдалось. Когда человек это понял, то с остервенением отбросил в сторону домкрат и разогнулся.

Внимательно посмотрев на владельца дорогой иномарки, Иван Михайлович поймал себя на мысли, что тот очень похож на его друга детства Сашу Иванова, с которым, как говорят, прошли огонь, воду, медные трубы и даже вместе окончили один университет. Правда, у того были вьющиеся светлые волосы, а у этого лысина во всю голову, рыжие усики и борода с бакенбардами.

Тот также молча очень внимательно его разглядывал и почему-то улыбался.

– Извините, – нарушил молчание Иван Михайлович, – вас, случайно, не Александром зовут?

– А вас, случайно, не Иваном? – последовал встречный вопрос. – Как, Сашка это ты! – воскликнул Михалыч. С первого взгляда тебя не узнал: усы, борода.

– Да, я это я, Ваня.

– Эх ты, чертяга, дружок ты мой закадычный.

Он первый подошёл к Ивану, протянул руку. Друзья обнялись.

– Постарел ты, Саня, – отметил Иван .

– Ты хотел сказать – полысел и одновременно зарос.

– Ну, в общем, как-то так.

– Да и ты тоже потёртый жизнью, Ваня. Сколько же мы с тобой не виделись?

– Сейчас прикинем. Так, в 1985 мы закончили учёбу, сейчас на дворе 2010, получается – 25 лет. Целая вечность, поколение людей успело вырасти.

– Стоп. А ты почему, Ваня, мне ни разу не позвонил? В отличие от тебя я звонил, даже два раза. Кажется, в 1987 и 1990 годах.

– Это помню, ты тогда сказал, что решил заняться бизнесом и предлагал объединить наши усилия, а я отказался.

– А почему, Ваня, ты отказался, не сказал.

– Понимаешь, Саня, бизнес – это не моё, а сейчас через двадцать лет в этом окончательно убедился. Я инженер до мозга костей, люблю что-то создавать, работать с людьми.

– Ну, а сейчас ты кем, Ваня, вернее, Иван Михайлович, работаешь, каких высот достиг?

– Работаю на государственном предприятии по выпуску оборудования для

нефтяников и газовиков – директором, руковожу коллективом в тысячу человек.

– Здорово, Ваня.

Про меня ты уже знаешь, но не всё: занимаюсь бизнесом, живу в Москве, своя фирма, филиалы в России, Германии, Франции и трёх странах нашего ближнего зарубежья. Живу хорошо, ни в чём себе не отказываю. У меня две квартиры в Москве, две в Санкт – Петербурге, во всех странах, где у меня есть бизнес, имею либо квартиры, либо дома, чтобы не таскаться по гостиницам. Вот так, Ваня, всё это дал мне мой бизнес, от которого ты отказался.

– Ну, Александр, ты прямо как Рокфеллер и как вас теперь называть?

Для тебя, Ваня, моего друга детства, я всегда останусь Саней, как бы меня там ни величали.

– А чего ты здесь-то, у нас оказался, за каким, прости, Господи, ладаном тебя в наши нищенские края занесло или на родину потянуло?

– Ну так, Ваня, получилось, я тебе чуть попозже расскажу, не торопи меня.

Лучше помоги мне, пожалуйста, колесо поменять. Понимаешь, решил ехать сам, без водителя, а тут прокол. Час бьюсь и никак.

Когда управились с колесом, он вдруг спросил:

– Ваня, а ты сейчас куда едешь?

– Понимаешь, мы с товарищем решили сегодня на рыбалку с ночёвкой. Приехали на берег, а на крючок насаживать нечего: я наживку дома забыл, вот еду в город за ней, родимой.

Ваня, а меня с собой не возьмёшь?

– В смысле, в город?

– Нет, рыбу удить. Ты не бойся, у меня всё есть. Я в Англии купил: костюм, удочку, различные блёсны, так, на всякий случай. Возьми, Ваня, я вам не помешаю, прошу тебя, возьми.

Первый раз в жизни видел Иван своего друга таким растерянным. Он всегда завидовал Саше, его независимости, умению дать сдачи при случае, упорству, настойчивости в достижении поставленной цели и никогда не размениваться по мелочам. В школе, а потом в университете Саша всегда был среди первых, все преподаватели пророчили ему карьеру учёного или, по крайней мере, преподавателя. А он ушёл в бизнес и там почти с нуля добился за 15 лет таких высот, чего не смогли многие другие, имеющие достаточный капитал и влияние.

Иногда до него доходили слухи о кипучей деятельности друга не только как бизнесмена. Несколько раз упоминалась его фамилия в новостях, как о начинающем общественном деятеле. Но сейчас он был явно чем-то подавлен, хотя, как всегда, держался уверенно.

– Саня, у тебя всё нормально? Я думаю, ты не случайно здесь оказался, только не говори, что заскучал по родным местам. Иван внимательно всмотрелся в лицо друга. Саша сразу как-то сник, плечи его опустились, а огонёк, горевший в момент их встречи в глазах, вдруг погас. Как будто человека, который стоит на этом месте, подменили, от той первоначальной уверенности и энергичности не осталось и следа.

– Саня, то, что говорил сейчас про бизнес и квартиры – это неправда?

– Нет, Ваня, правда.

– А что тогда?

– Тут другое. Не знаю, как тебе сказать.

Он с трудом начал говорить, постоянно останавливаясь и подбирая слова.

– Понимаешь... у меня была семья, Ваня. Хорошая дружная семья – любимая жена и сын. Всё было хорошо. Мой Игорёк с отличием закончил тот же университет, что и мы с тобой, работал руководителем в одном из наших филиалов. А три года назад во время тренировочного полёта на своём самолёте он не справился с управлением и разбился насмерть. Жена очень сильно переживала. На этом фоне у неё развился рак мозга. Я её возил по всем, самым престижным клиникам мира, потратил кучу денег, но вылечить не смогли. В прошлом году её не стало. Еле выжил после этого, даже пить начал. Но судьба, видимо, решила меня окончательно добить.

Ты ведь знаешь – мои родители очень рано умерли, меня вырастила бездетная тётя Галя – старшая сестра отца. Так вот, четыре дня назад и её похоронил.

Сейчас у меня ни одного родного человека на всём белом свете.

После всего, Ваня, у меня внутри что-то оборвалось, как будто весь воздух вышел, я не чувствую опоры. И как назло начались проблемы за границей с одним из филиалов.

Надо быть там, а я не могу, не могу сейчас, понимаешь, не могу!! В любой работе, а в нашей особенно, Иван, не любят слабых. Если почувствуют, что сдаёшь, съедят не свои, так конкуренты. А у меня, чувствую, лимит прочности исчерпан. Со своим горем справиться не могу и помочь мне некому. Там, в таком состоянии я никому не нужен, подчинённые должны видеть во мне сильного уверенного человека, иначе всё развалится.

Он отвернулся. Ваня видел, как из последних сил Александр сдерживался и только благодаря огромной природной воле, упорству это ему удалось. Немного успокоившись, он повернулся и продолжил:

– Честно отвечу на твой вопрос, почему я оказался в наших родных краях. Ваня, я тебя искал, родней человека у меня нет. Понимаешь, жить не хочется. Да, всё есть, денег куча, даже, наверное, целая гора, а для кого и для чего? Если ни спереди, ни сзади ни одного родного человека нет и уже никогда, наверное, не будет. Мне нынче летом исполнится пятьдесят лет, почти совсем старик. Жизнь активная, можно сказать, закончилась. Как же мне тошно, если бы ты знал. Ну почему это всё со мной, почему так жестоко жизнь меня наказывает, за что? Прости меня, Ваня. Тебе, наверное, противно меня слушать... Но поговорил с тобой и мне, ты знаешь, стало гораздо легче, не так стало давить внутри. Вот, я всё сказал, ещё раз прости за то, что нагружил тебя своими заботами.

– Не надо, Саня, так говорить, очень хорошо, что ты приехал. Мы с тобой как братья, всегда помогали друг другу и когда были совсем маленькие, и потом в более взрослой жизни. Помню, как ты меня защищал от старших ребят, как помогал потом по учёбе, как заставил меня учиться, когда я хотел бросить университет. Я думаю, Саня, прорвёмся, всё образуется.

– Ладно, Ваня, ты прав, хватит нюни распускать, надо ехать, дела делать, на работе всё пройдёт. Вот увидел тебя, поговорили, давай прощаться, поеду.

Он обнял Ивана и со словами: – Будь здоров, дружок ты мой дорогой, и звони,

не забывай – пошёл к машине.

– Стоп. А на рыбалку с нами разве не поедешь?

Александр остановился и растерянно посмотрел на Ивана.

– Сейчас уже и не знаю.

– Саня, время у тебя сейчас свободное есть? Мы ведь собрались с ночёвкой.

– Да вагон у меня времени. В крайнем случае, имеется телефон со спутниковой связью, берёт из любой точки мира, даже там, где вообще никакой связи нет.

– Так что решил, Саня?

– Думаю, что за день-два ничего страшного не случится, как считаешь, Ваня?

– Полагаю, что и за три дня фирма твоя сразу не развалится.

– Саня, для справки: между прочим, там, где будем рыбачить, ни один сотовый не берёт.

– Этот телефон где угодно возьмёт.

– Посмотрим.

Ну что, Саня, едем, но сначала в город.

– Едем, Ваня.

– Только давай поедем на моём «Хаммере», чего две-то гонять. А твоя пусть пока постоит, когда поедем обратно из города, заберём и на берег.

Когда Иван, вернувшись из дома с наживкой, сел в машину, Саша спросил:

– Слушай, а вы всё для рыбалки взяли: поесть, выпить.

– Да там у нас много припасено, чай, не первый раз едем.

– Но вы рассчитывали на двоих, а сейчас надо на троих. Давай заедем, где у вас тут самый шикарный продовольственный магазин. Зайдя в супермаркет, он направился не к прилавкам, куда обычно идут все покупатели, а в подсобку, спросив предварительно у продавца:

– Где у вас находится начальство?

Через полчаса около его машины стояли 2 работника супермаркета с четырьмя большими коробками, которые едва уместились в багажнике вместительного «Хаммера».

- Саня, ты что, решил весь магазин скупить?
- Ваня, здесь всё необходимое и в основном то, чего нет на витрине.
- Это что, как раньше: из-под прилавка или по блату.
- Нет, Ваня, скорее всё самое свежее и качественное.

На берегу его уже заждался Саныч. По мере приближения машин лицо его становилось всё пасмурнее. Он понял, что на сегодняшнем уединении с Михалычем можно будет поставить крест. Машины остановились.

Когда из большой необычного белого цвета машины вышел щеголеватый лысый господин в светлом костюме и галстук, настроение Деда вообще упало до нуля. Он даже отбросил свою удочку в сторону и отвернулся. Подойдя к Санычу, Михалыч тихонько сказал:

- Не дуйся, Саныч, всё будет нормально.
- На что тот также тихо парировал:
- Вот это всё из-за твоей забывчивости, не надо было червей дома оставлять.

Прибывшие начали выгружать коробки, а потом и их содержимое на траву.

По мере того, как всё пространство между машинами заваливалось продуктами, Саныч громко спросил:

- Что, поди, ещё целая орава прибудет?!
- Нет, – ответил Иван Михалыч, – только мы и ты.
- А зачем столько добра?
- Так ведь два дня будем здесь куковать, надо ж чем-то питаться, а останется – с собой заберём.

– Э-хе-хе, молодёжь, молодёжь. Вам бы только покрасоваться да брюхо набить, сорите деньгами направо, налево и думаете, что это красиво.

Иванов всё это время стоявший в стороне, медленно подошёл к Санычу и слегка поклонившись, сказал:

– Ты прости нас, отец, наверное, ты прав, это всё я набрал, хотел сделать как лучше, а оно вон как вышло. Не обижайся на нас, прошу тебя.

Саныч повернулся в сторону Иванова, пристально посмотрел ему в глаза, затем сказал:

- Да ладно, я ничего, деньги-то ваши, тратьте, коль девать некуда.

В это время Михалыч увидел, как потеплели глаза Саныча, и на душе у него стало легко.

- Вот, Саныч, знакомься мой друг детства Александр Иванов.

– Тёзка значит, – пробурчал Дед. – А меня, мил человек, Александр Александровичем величают. Это просто Михалыч укоротил меня до минимума

– Санычем кличет. Я не возражаю. Так что, если слух не режет, Александр, так ко мне и обращайся. Ну что, молодые люди, поди проголодались, я тут супчик из курочки сварганил, так что давайте садитесь поближе, будем ужинать, а там, может, и порыбачить успеем, если наживку опять кое кто не забыл, – и он хитро посмотрел на Михалыча.

На что в ответ тот похлопал себя по верхнему карману, мол, всё нормально. Ели молча. Саныч иногда посматривал на костюм Иванова, потом не выдержал, спросил:

– Александр, ты что, рыбалить из машины собираешься? На берегу от такого костюма вся рыба либо разбежится по речке, либо на берег выскочит, только клевать, точно не будет.

– Нет, конечно, у меня всё приготовлено.

Он кинулся к машине, достал огромную спортивную сумку.

– Вот смотрите. Это костюм, очень удобный, в нём много карманов, непромокаемый, тёплый, американского производства. Удочка – самая современная, в ней даже есть автоматика для подсечки, устройство для ловли в ночное время, очень прочная. А вот это снасти. – Он открыл большую пластиковую коробку. – Вот смотри, Саныч, это крючки для разной рыбы со специальной заточкой. Это поплавки тоже для разной рыбы. А вот это мормышки и большой набор блёсен. Мне сказали в магазине рыболовных снастей в Лондоне, что это самый полный набор лучших блёсен в мире.

От Александра не ускользнуло, с каким благоговением брал в руки каждую блесну Саныч, а потом подытожил:

– Классные блёсны, толково и качественно сделано. Поди дорого стоят?

– Да нет, где-то около двух тысяч долларов.

– Ничего себе две тысячи, нам такое не по карману. Легко, видно, деньги-то достаются, коль столько на рыбалку тратишь.

Да нет, деньги трудно достаются, приходится напрягаться, коллектив у меня большой, о каждом думать надо.

– Я думал, ты торгаш, то и деньгами соришь.

– Нет, у меня производство и не только у нас в России.

– Вон оно как, серьёзная, значит, у тебя работа. Ну извини, если что плохо о тебе подумал, – сказал Саныч. – Уж больно резво вы с Михалычем тут всего набрали из продуктов, да и машина, вон какая крутая у тебя.

Пока суть, да дело, начало смеркаться.

– Видимо, сегодня на этом рыбалка закончилась, надо ещё посуду помыть и приготовиться на ночлег, – подытожил Саныч. – Кто где будет ночевать, давайте определяться.

– А что, если все в моей машине, разложим сиденья, места много, уместимся, – предложил Александр.

– Нет, я привык на свежем воздухе, – сказал Саныч, – буду спать в палатке.

– Ваня, ты, где будешь ночевать? – спросил Александр.

– Саня, смотри, какая теплынь. Для меня нет ничего прекраснее, чем поспать знаешь где?

– Где?

– В резиновой лодке.

– Да ну, ты что, шутишь?

– Нисколько.

– А комары?

– У меня есть лёгкий спальный мешок с комариной сеткой, так что всё предусмотрено.

– Ну, как хотите, а я пойду спать в машину, там как-то надёжнее. Но если замёрзнете, приходите, не стесняйтесь.

Саныч с Михалычем пошли готовить каждый своё ложе. Александр остался сидеть у костра. Под берегом журчала вода, перекатываясь через топляк. На той стороне реки чуть слышна была гармонь и кто-то старательно выводил: «Издадека долга, течёт река Волга» Отблески костра высвечивали ближайшие кусты ивняка, отражались в воде. Какая-то птица пролетела вверху и скрылась в кустах. Стало тихо.

– Давно не сидел вот так просто на берегу, – подумал Александр. – Хорошо как.

А воздух, ну просто мёд, дышать хочется полной грудью. Не зря говорят: Россия- Матушка.

От ностальгии перехватило дыхание и слегка заняло сердце, но потом быстро отпустило.

– Ваня почти не изменился,- заметил про себя Александр, – всё такой же идеалист. Звёзд с неба не хватает, живёт себе спокойно и счастливо. И друг у него замечательный – Саныч, умный и порядочный.

Он улыбнулся, вспомнив, как Ваня назвал Саныча - Дедом и оглянулся по сторонам – вдруг услышу, но увидев, что я далеко от них, успокоился.

– А я, Ваня, услышал это красивое русское слово – Дед. Тоже мне конспираторы, – всё ещё улыбаясь, вслух сказал Александр.

И тут он понял, что всё происходящее с ним в настоящий момент – это то, без чего не может жить русская душа, ни в минуты радости и особенно, когда тяжело в жизни.

Не в этом ли загадка нашего русского человека.

– Ну, понесло меня, – одёрнул себя Александр, – пора идти спать, да и костёр совсем потух. Ух, как всё-таки комар кусают, – он скорым шагом припустил к своей машине.

Михалыч накачал лодку с надувным дном, разослал спальный мешок и через минуту, лёжа на спине, как в детстве, рассматривал звёздное небо.

– А оно не изменилось, – с иронией заметил про себя, – хотя скоро мне тоже стукнет полвека.

Проснулся Михалыч от того, что кто-то капал на него сверху чем-то мокрым на лицо и дёргал за сетку спального мешка. Он открыл глаза. Прямо перед глазами мелькало что-то дёргающееся и постоянно пыхтящее. Присмотревшись, увидел в отдалении лиловые глаза и торчащие в разные стороны рога. В мгновение понял, что над ним стоит корова и языком пытается ухватить за сетку спального мешка. Он резко поднял голову, корова моментально отпрянула в сторону. Посмотрел по сторонам, по всей поляне и даже в воде у берега бродили и стояли коровы.

– Что за чёрт. Откуда они взялись?

– Из деревни, откуда же больше им взяться, – услышал он голос Саныча. – Ох, вы, ребята, спать горазды. На дворе уже почитай день – семь часов утра. Если бы не корова, ещё бы спал, а, Михалыч? Давайте завтракать да на рыбалку. У меня уже всё готово. А Александр где, всё ещё спит?

– Тут я, – раздалось из кустов. Он вышел одетый в новый рыбацкий костюм.

– Где же пастух? – спросил он. – Пусть стадо отгонит.

В отдалении показалась фигура человека с кнутом. Рядом за коровами с громким лаем бегала собака. Пастух шёл, на ходу щёлкая своим пастушьим орудием, стараясь отогнать стадо от кромки берега, а собака выгоняла коров из воды.

Рыбаки смотрели, как ловко они управляют, каких-то пять минут – и всё стадо было в центре поляны.

– Мастер своего дела, – сказал Александр. – Всю жизнь, как посмотрел фильм «Весёлые ребята» хотел научиться так, щёлкать кнутом.

– Давайте мойте руки и завтракать, – торопил Саныч.

– Доедая с удовольствием супчик, сваренный Дедом, Александр, поднеся ложку

ко рту, спросил:

– А что, Дед, рыба-то в речке имеется?

Михалыч с Санычем переглянулись.

Саныч с лукавством в голосе ответил:

– Если сейчас вблизи нас нет, то при виде такого шикарного, импортного рыбацкого костюма и удивительной удочки, которая сама ловит, обязательно соберётся, чтобы поглазеть, тогда мы её и поймаем, пока она на костюм глядеть будет.

Александр удивлённо покосился на Деда, но увидев его добрые смеющиеся глаза, не выдержал и широко рассмеялся, разбрызгивая суп из ложки во все стороны. Рядом хохотали от души Иван и Саныч. На поляне царила непринуждённая, тёплая атмосфера.

– Кто ещё не наелся? – спросил Саныч.

– Я, – ответил Александр.

– Когда доешь, вымой посуду. Ничего не поделаешь, извини – морской закон.

– Есть, Дед, – весело ответил Александр.

Он согрел в ведре воды, начал мыть посуду и не заметил, как подошёл пастух.

Александр даже вздрогнул от неожиданного вопроса:

– И откуда такая удивительная машина? Наверное, больших денег стоит?

– Американская машина, дедушка, называется «Хаммэр». Стоит около пять миллионов рублей.

– Это же сколько денег! Хорошая, большая машина, только больно маркая.

– Не понял?

– Я говорю цвет у неё белый, маркий, если по нашим дорогам ездить, каждый день мыть придётся, краску всю обдерёшь, да и о кусты поцарапать можно, вон какая широченная, а дороги у нас узкие. Надо было купить «Уазик», на нём хоть куда проедешь, да он и дешевле.

И откуда такие деньжищи, чтобы такие машины покупать?

– Я, дедушка, бизнесмен, занимаюсь бизнесом.

– Это что, олигарх, что ли?

– Почему олигарх?

– У нас в деревне говорят, что все, кто на крутых машинах ездят да бизнесом занимаются – все олигархи.

– Вас как зовут?

– Меня-то? Кто Анатолием, кто Толяном.

– А полностью по имени, отчеству?

– Так мы Анатолием Петровичем величаемся.

В это время подбежал огромный пёс.

– Свой! Сидеть! – строго сказал он.

Пёс послушно сел на задние лапы.

– Его зовут Зим. Мне его сосед зимой подарил, сказал, что эти собаки охраняют овец на Кавказе. Я поэтому его и назвал Зим. Ничего, хорошая собачка. Я без него с коровками бы не сладил. Мне даже ничего говорить не надо – он и без меня управляется, а коровки его слушаются.

– Это мы, дедушка, видели, хорошая собака.

– Ты его не бойся, он умный, всё понимает, зазря не тронет.

– Анатолий Петрович, а сколько вам лет?

– Нынче зимой 85 стукнет.

Александр с изумлением посмотрел на пастуха:

– А ты меня не обманываешь?

– Да разве ж можно в таком деле обманывать. Вот тебе, истинный крест, – 25 декабря исполнится 85 лет, – и он перекрестился.

– А на вид вам больше 75 не дашь.

– Так я роста небольшого, в молодости 165 с кепкой был и всё такой худой, как сейчас. Как говорят: маленькая собачка до старости щенок.

– Воевал?

– А как же, как все. Правда, не с начала войны. В 41-42-го я ещё пацаном был, а с 43 по 46 в пехоте.

Заметь, мил человек, за всё время ни одной царапины, хотя пулям и снарядам не кланялся. Потом уже, когда домой пришёл, бабка Пелагея сказывала, что она оберег зашила в воротник моей шинельки, может это и спасало.

– И награды есть?

– А как же, как у всех: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

– Давно, Анатолий Петрович, пастухом работаете?

– Да что ты мене выкаешь, уши вянут, прости, Господи.

– Хорошо, можно буду Петровичем называть.

– Ладно, Петровичем, так Петровичем. В пастухах недавно, пять-шесть лет, а до этого слесарил в мастерских. Потом зрение ухудшилось, ну я и напросился в пастухи.

Свежий воздух, коровка моя тоже со мной. Вон та чёрная с белым пятном на морде, я её арендую у одного товарища. Сам понимаешь, с нашей пенсией не купить. Баба моя – Матрёна – тоже уже старая стала, тяжело ей доить коровку.

Вот и решили до зимы денег на молоке подкопить, да козу купить, всё же легче.

Тебя-то, кстати, мил человек, как зовут?

– Александром.

– Александром, Сашкой, значит. Как моего единственного сыночка звали, утоп он в этих местах, когда ещё был совсем маленьким. Один убежал на речку весной смотреть на буруны и утоп, царство ему небесное. – Он с тоской посмотрел на реку, словно пытаясь ещё раз увидеть своего сыночка. – Я думал, не выживем мы с Матрёной, шибко долго она после этого болела, да и я прихворнул.

Если бы что с ней случилось, то я бы, наверное, не выжил.

При этих словах у Александра перехватило горло, попытался что-то сказать, но не смог, ноги подкосились, опустился на землю, закрыв голову руками.

– Что ты, что ты, мил человек, не жалея ты нас так, всё уже прошло, почитай, 50 годков минуло.

– Он подошёл к Александру, наклонился.

– Вставай, мил человек, не надо так расстраиваться. Али у тебя самого что случилось? Так ты расскажи, не мучай себя, поплачь немного. Когда у обоих горе, они лучше понимают друг друга. И не стесняйся меня.

Я много горя за свою жизнь повидал и знаю, как это тяжело, когда в себе носишь и некому поведать.

Долго Александр не мог успокоиться, сидел, закрыв лицо руками, а сквозь пальцы просачивались слёзы, капая на грудь. Отдышавшись, встал.

Когда рассказал свою историю, Петрович долго молчал.

– Вон оно как. Видно, и у вас – олигархов, жизнь не мёдом мазаная.

Тоже случается всякое. А мы думаем, что всё у вас всегда хорошо, купаетесь в роскоши, деньгами сорите и на нас, нищих, плюёте. Вон по

телевизору говорят, что олигархи всё скупают, говорят, скоро целые страны покупать будут. И у тебя, наверное, денег куры не клюют, девать не знаешь куда. Так ты уж определись и зря не сори, чай, сам говоришь, заработал, не с неба упали, и дело своё не бросай, коль оно на пользу людям.

– Определись, дедушка, – с улыбкой сказал Александр, – теперь точно определяюсь. Спасибо тебе, Петрович, за всё, что выслушал, что правильно понял.

– Да ладно, чего там, – махнул тот рукой, – люди должны помогать друг другу.

Потом сказал:

– Хорошие у тебя товарищи, Лександр. Я их давно знаю. Михалыч с Саньчем завсегда мне помогают. И домик помогли отремонтировать, опять же с коровкой Саньч договорился. Он ведь раньше секретарём партии был, большим начальником, а смотришь, остался нормальным человеком. Очень душевные ребята. Они почти каждую неделю тут находятся, когда рыбачат, а когда просто так сидят у костерка беседуют, ну, я с ними иногда сумерничаю.

– Александр успокоился, молча, слушал Петровича, и на душе становилось всё теплее и светлее.

– Со вчерашнего вечера я как будто потихонечку целебный эликсир пью, – подумал он, – и чувствую, как силы и уверенность понемногу ко мне возвращаются.

– Скоро рыбаки придут обедать, – сказал он. – Ты, Петрович, тоже подходи, пообедаем вместе.

– Да у меня тоже обед есть, Матрёна приготовила.

– Приходи, Петрович, я тебя прошу.

– Ну ладно, как увижу твоих, так приду. А пока пойду коровок посмотрю, больно они у меня далеко учесали, надо будет маленько приструнить.

– Эй, Зим, вперёд!

Набрав в котелок воды, Александр поставил на огонь.

Через час обед был готов. Михалыч с Саньчем показались из кустов.

– Как улов? – спросил Александр.

– Да так, есть немного, – и Михалыч положил на траву двух больших лещей.

– Ого! – воскликнул Александр.

– К сожалению, ни судака, ни щуки не было, так как кое-кто не стал демонстрировать импортные рыбацкие принадлежности, а на наши только приплыли вот эти лещи, – констатировал Саньч.

– Александр, ты что, совсем не рыбачил?

– Да пока возился с удочкой, уж больно сложная, потом готовил обед.

– Да ну, у нас уже готов обед?!

– Да, к вашему сведению, мы тоже кое-что умеем.

– Ну, ко, дайте ложку, я первый попробую, – сказал Саньч.

– Дед, а кто за тебя руки будет мыть?

– Понял, товарищ повар. Михалыч, пошли обратно на речку мыться.

Когда все уселись, подошёл Петрович.

– Анатолий, здравствуй, – поздоровался Саньч. – Ты почему плохо за коровками смотришь? Ещё немного бы и Михалыч остался без головы, как бы он в понедельник людьми руководил.

И они вместе с Михалычем, перебивая друг друга, рассказали, как одна из коров будила его, естественно, приукрашивая случившееся. Хохот стоял на

всю поляну, даже коровки, как по команде, встали и повернули головы в их сторону.

– Ну, всё, – сказал сквозь смех Михалыч, – вся рыба ушла километров на пять от этих мест. – И добавил: – Товарищи, на рыбалке надо соблюдать тишину. Ну, ладно, пока обедаем в тишине, я думаю, вернётся какая-нибудь одна плотвичка.

Александр стал разливать приготовленный обед на четырёх человек.

Петрович также начал вынимать из своей старой, ещё отцовской кожаной сумки, приготовленный обед.

И тут все притихли, внимательно наблюдая за его действиями. Делал он всё обстоятельно, приговаривая:

– Вот это хлебушек наш деревенский, Матрёна сама пекла – душистый. Лучок домашний с перышком прямо с грядки. Сальцо от нашего кабанчика во рту тает. Молочко от нашей коровки вкусное, как мёд. Всё, что Бог послал. Давайте угощайтесь, кушайте на здоровье.

То ли от слов Петровича, то ли очень сильно проголодались, но кушали все от души. Не забыли и про Зима, но ел он только из рук хозяина. И сальца попробовали, и молочка испили, и Петровича накормили всякими привезёнными яствами. На что тот в конце обеда заявил:

– А домашняя пища лучше.

И все с ним согласились.

После обеда Михалыч с Санычем пошли рыбачить, а Александр сказал, что помоем посуду и подойдёт. Вдвоём с Петровичем они быстро управились, после чего тот засобирался к стаду.

– Нельзя долго их оставлять, «ревновать» будут, молоко невкусное будет.

– Ты что, Петрович, в самом деле?

– Да нет – это я так для приличия. Просто сходить надо, проведать.

– Ты возвращайся, Петрович, быстрее, надо мне кое- что тебе сказать.

– Так говори сейчас.

– Нет, чуть попозже.

– Ладно, как скажешь. Зим ,на службу! Собака мгновенно вскочила и галопом понеслась к стаду.

Оставшись один, Александр долго размышлял о том, что произошло за эти два дня и что ему делать дальше...

Подошёл Петрович, спросил:

– Александр, ты что-то хотел мне сказать?

– Петрович, понимаешь, мне сейчас позвонили, требуют, чтобы я срочно приехал по работе. Хочу поблагодарить тебя за науку, за поддержку.

– Да что там, какая благодарность, мы должны помогать друг другу, животные и то никогда лежачего не бьют, а помогают выкарабкаться.

– Хочу, Петрович, помочь тебе приобрести козу, ты возьми у меня на это дело деньги.

– Ни, ни, Александр, что я бабе своей скажу, она строгая – моя Матрёна, не хватало, чтобы на старости лет ей врать, она ведь не поверит, что такие деньжищи мне просто так кто- то дал. Нет, Александр, не уговаривай, не возьму.

– Петрович, а костюм рыбацкий возьмишь, хороший костюм, не промокает, тебе за коровками как раз. Как возьмёшь, от чистого сердца?

– Ладно, если от чистого сердца, то возьму.

Александр быстро снял костюм и передал его Петровичу.

– Носи на здоровье. Петрович подошёл к Александру, обхватил, неловко прижался и выдохнул: – Спасибо, сынок, и пусть хранит тебя Господь от всех напастей, – перекрестил его.

– Прощевай, Лександр, пойду я.

Прижав к груди костюм, отошёл на несколько метров, повернулся и, помахав рукой, двинулся к своим коровкам.

Александр долго смотрел ему вслед, потом пошёл к своей машине, достал из папки лист бумаги, написал записку и положил со всем, что приготовил в машину Вани. Стоя у заведённого автомобиля, размышлял:

– Может, попрощаться с Ваней и Дедом? – Потом передумал

– Нет, пусть спокойно рыбачат, им вдвоём хорошо.

Всё, что нужно, я в записке изложил. Думаю, они всё правильно поймут и на меня не обидятся.

Время приближалось к шесть вечера.

–Что, Михалыч, не пора на ужин, что-то я проголодался.

– Давай, Дед, удочки оставим и быстро чего-нибудь перекусим. На вечернюю зорьку всё равно сюда придём, может, и Александра вытащим.

–Пошли.

Поднявшись на берег, увидели сидящего у костра Петровича с собакой.

– А где Александр, машина? – спросил Михалыч.

– А он разве вам ничего не сказал?

– Нет, мы его после обеда не видели.

– Так его вызвали по работу, и он срочно уехал.

– Странно, – сказал Саньч, – и как-то всё нелогично.

– Может, здесь что-то без нас случилось?

– Нет, ничего не случилось.

Он сказал, что вызывают и всё, костюм вот мне свой подарил рыбацкий, в аккурат на меня.

В расстройстве Иван Михайлович подошёл к своей машине, открыл дверку и тут на сиденье увидел исписанный лист бумаги. Начал читать:

« Дорогие мои друзья, обстоятельства сложились так, что должен срочно уехать по своим делам, поэтому решил вас не тревожить и написал эту записку.

В трудный для себя период решил я повидаться с моим дорогим и единственным другом Ваней, а оказалось, что встретился ещё с такими же верными друг другу замечательными, открытыми и порядочными людьми.

Живя в своём мире жестокого бизнеса и обмана, я и не думал, что есть другая, спокойная, размеренная жизнь, где люди бескорыстны и честны по отношению друг к другу, а в случае беды обязательно помогут и поддержат в трудную минуту, не беря за это ни копейки. Этим людям рука не поднимется обмануть и тем более обидеть. Вы, дорогие мои друзья, за эти два дня, сами того не замечая, потихоньку, ненавязчиво, по капельке вернули меня к жизни, вернули мне уверенность в себе и то дело, которым я занимаюсь, при этом не было ни тени зависти ни у кого из вас.

Спасибо, дорогие мои, и по русскому обычаю низкий вам поклон за всё».

«Чуть ниже было приписано:

– Ваня, тебе дарю свой телефон, думаю, он тебе понравится. Все расходы по его содержанию беру на себя. Так что, звоните мне в любое время, я всегда буду рад вас слышать и помочь. Дед, тебе дарю рыбацкие принадлежности и удочку, видел, как глаза у тебя блестели. И ещё, большая просьба, Александр Александрович ! Помогите, пожалуйста, Анатолию Петровичу либо приобрести коровку в собственность, либо козу, как они с Матрёной мечтают и всё

необходимое для этого. Деньги лежат в пакете на сиденье машины, не хватит, позвоните. Очень прошу, сделай, пожалуйста. И не говори ему, что от меня - не возьмёт. Придумай как – у тебя Дед, я знаю, это получится. На этом прощаюсь, ещё раз спасибо за всё. Ваш Александр».

Иван передал записку Санычу. Прочитав её, Александр Александрович задумчиво с горечью в голосе сказал:

– Эх, как же это я, старый пень, за деньгами, шикарным костюмом и крутой автомашиной душу его, настоящую, широкую, русскую душу не разглядел?!